

Долженко Людмила Васильевна

[АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОТИВА ДЕТСТВА В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА](#)

В статье впервые целостно рассмотрена концепция детства в рассказах В. М. Шукшина как органическая составляющая авторской картины мира, ориентированной на традиционную культуру. В едином контексте проанализированы автобиографические произведения В. М. Шукшина, рассказы из сборников разных лет и публицистика. Акцентируется ценностная роль детства в его многообразных проявлениях как составляющая авторского мировоззрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/11/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (66). С. 53-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/11/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

активностью представителей органов и организаций, делегированных в советы. Бассейновые советы не должны быть выдуманной правовой надстройкой, служащей декорацией, ширмой для достижения эгоистических интересов участников, лоббирования различными группами их целей. От коррупции не застрахована никакая структура, если она функционирует в закрытом режиме, не связана с общественностью и специалистами.

Как отмечается в Водной стратегии, совершенствование механизмов координации и взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и водопользователей необходимо осуществлять путем поэтапного изменения статуса бассейновых советов как координирующих органов на органы, принимающие практические управленческие решения по вопросам реализации государственной политики в рамках бассейнового округа, оптимизации водохозяйственной и водоохранной деятельности.

В частности, бассейновые советы должны служить обоснованием для проведения федеральных, региональных, муниципальных программ для обеспечения контрольных функций проверяющих органов, т.к. региональные программы в области использования и охраны водных объектов принимаются органами государственной власти субъектов РФ бессистемно, хотя находятся на территории одного бассейна и должны предусматривать единые цели, задачи, совместное финансирование.

Важную роль бассейновые советы могли бы играть при заключении органами государственной власти субъектов РФ бассейновых соглашений о восстановлении и охране водных объектов, предназначенных для координации и объединения деятельности, направленной на восстановление и охрану водных объектов, расположенных на территории нескольких субъектов РФ.

Бассейновые советы должны наделяться государственными функциями управления использованием и охраной водного фонда, именно они должны давать разрешения и заключать договоры на водопользование. Таким образом, в условиях бассейнового принципа управления ни один субъект федерации не сможет решать вопросы водопользования в ущерб соседним территориям. Проведение приоритета бассейнового принципа делает целесообразной установленную Водным кодексом федеральную собственность на водные объекты. Все водные объекты должны находиться в ведении бассейновых советов. Исключение могут лишь составлять обводненные карьеры и пруды, не связанные с водной системой бассейна.

Таким образом, необходимо широко и последовательно проводить в жизнь принцип бассейнового управления в области правового регулирования управления в области использования и охраны водных объектов.

Список литературы

1. **Боголюбов С. А.** Водное законодательство в вопросах и ответах: научно-практическое пособие. М., 2009. 311 с.
2. **Водный кодекс Российской Федерации** // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2006. № 23. Ст. 2381.
3. **Калиниченко Т. Г.** Формирование и развитие водного права России (публичные и частноправовые аспекты). М.: Городец, 2010. 198 с.
4. **Колбасов О. С.** Водное законодательство в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 216 с.
5. **Кумзеров В. М., Осинина А. В.** Совершенствование государственного управления использованием и охраной водных объектов и координация деятельности участников водохозяйственного комплекса в рамках реализации Водной стратегии России // Водное хозяйство России. 2010. № 5. С. 4-21.
6. **Сиваков Д. О.** Водное право России и зарубежных государств. М.: Юстицинформ, 2010. 366 с.
7. **Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы** / под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2008. 199 с.

УДК 82-32

Филологические науки

В статье впервые целостно рассмотрена концепция детства в рассказах В. М. Шукшина как органическая составляющая авторской картины мира, ориентированной на традиционную культуру. В едином контексте проанализированы автобиографические произведения В. М. Шукшина, рассказы из сборников разных лет и публицистика. Акцентирована ценностная роль детства в его многообразных проявлениях как составляющая авторского мировоззрения.

Ключевые слова и фразы: Шукшин; тема детства; мотив детства; образы детей в литературе; взрослые и дети в литературе; русская литература второй половины XX в.

Людмила Васильевна Долженко, д. филол. н., проф.

*Кафедра русского языка и методики его преподавания в начальной школе
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ludvasdol@mail.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОТИВА ДЕТСТВА В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА ©

Внимание к теме детства - одна из традиций русской литературы, которая реализует ее гуманистический характер и выступает интегрирующим началом. Развитие темы или мотива детства в творчестве писателя является своеобразным показателем его места в обозначенной парадигме. В этом смысле особый интерес

представляет творчество тех писателей, в произведениях которых тема детства и образы детей не доминируют. К таковым относится творчество В. М. Шукшина.

Было бы большой натяжкой утверждать, что изображение детства занимает большое место в творчестве Шукшина, в то же время из этого не следует делать вывод о маргинальном положении названной темы. Это на первый взгляд противоречивое утверждение на самом деле логично вытекает из авторского мировоззрения, цельность которого определялась ориентацией на сохранение народной традиции. Для Шукшина было совершенно очевидно, что народ выработал целесообразные способы воздействия на личность ребенка с целью его воспитания, которые закрепились в самом образе жизни, на чем в настоящее время настойчиво и справедливо настаивают специалисты по этнопедагогике. О своем детстве Шукшин писал: «...Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен...» [7, с. 67]. Поэтому роль детства в жизни человека, а также собственно процесс формирования личности человека в детстве писатель трактовал так: «...Когда человек здесь (в деревне - Л. Д.) родился и получил что-то от отца, деда, матери, бабки и ему не надо делать нового труда для того, чтобы познать, что хорошо и что плохо, что - добро, что - зло; он как-то готов к этому самым процессом **незаметного** (выделено мной - Л. Д.) для него воспитания окружающими людьми, природой...» [Там же, с. 199-200].

Это признание имеет концептуальный характер и объясняет место и роль мотива детства в рассказах Шукшина, героями которых в подавляющем большинстве были взрослые, вполне сложившиеся люди. Кстати, в критике 70-х годов XX в. отмечалось, что у позднего Шукшина все большую роль стали играть дети [5, с. 141].

Детству как жизненному материалу, как проблеме он отдал дань в автобиографическом цикле «Из детских лет Ивана Попова» и примыкающих к нему рассказах «Дядя Ермолай», «Далекие зимние вечера» и др. В этих рассказах Шукшин изложил собственно концепцию детства, основу которой составляло понимание детства как праздника открытия мира, что напрямую соотносится с традициями русской классики XIX в. Для Шукшина это было важным этапом, потому что в целом силу и содержание детских впечатлений и их роль в творческом начале он оценивал очень высоко: «...Писатель не должен, не может избегать дней и атмосферы своего детства» [7, с. 245].

В основной массе рассказов писателя мотив детства, не перерастая в тему или проблему, выступает как важный компонент текста, подчас зашифрованный или не акцентируемый. Последнее обстоятельство объяснимо писательским пониманием «незаметности», другими словами органичности, роли детства (во всей его многоаспектности) в жизни человека. Даже в ограниченном пространстве рассказа писатель считал необходимым дать информацию о детстве героя. Это позволяло углубить мотивировку поведения. Воспоминания о трудовом деревенском детстве укрупняют облик Федора Кузьмича и его брата Егора («Как зайка летал на воздушных шариках»), Максима Думнова («Наказ»). Ванька Тепляшин (герой одноименного рассказа) из легкомысленного скандалиста, каковым он кажется при первом знакомстве, вырастает в некотором смысле до масштабов правдоискателя, пусть и стихийного, при помощи точно найденных писателем деталей. Герой, изъятый из привычной среды (лечится в горбольнице), «...и не заметил, как наладился тосковать. Стоял часами у окна, смотрел, как живет чужая его уму и сердцу улица» [6, с. 69]. О чем тосковал Ванька, писатель не расшифровывает, он лишь подсказывает, описывая реакцию героя на появление матери: «И каково же было его удивление, радость, когда он в этом мире внизу вдруг увидел свою мать... Пробирается через улицу, оглядывается - боится. Ах, родная ты, родная! Вот догадалась-то.

Мама идет! – закричал он всем в палате радостно. Так это было неожиданно, так она вольно вскрикнула, радость человеческая, что все засмеялись» [Там же]. Контраст между нейтральным повествовательским «мать» и трогательным «мама» героя подчеркивает чистую наивную натуру Ваньки, сформированную традиционной системой воспитания. После этого эпизода становится ясно, что реплика повествователя, брошенная чуть раньше, о том, что Ванька «и врать-то не умеет», носит буквальный характер. Все это позволяет адекватно оценить последовавший поступок героя, искреннего в своем негодовании.

Воспоминания о детстве прорисовывают характер и отнюдь не положительного главного героя рассказа «Беседы при ясной луне» старика Николая Феропонтыча Баева, который в свои 63 года пытается осмыслить жизнь. У старика Баева образовалась завышенная самооценка: «...он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он - редкого ума человек» [Там же, с. 142] – при его объективно средних способностях: «средним шажком отшагал шестьдесят три годочка» [Там же]. Объяснение создавшейся коллизии автор находит в детстве героя: ребенок хотел учиться, а отец не позволил, это осложнило их отношения настолько, что сын не нашел в себе сил простить отца даже перед его смертью, до собственной старости считал отца виновником нереализованности своих способностей.

В эмоциональной памяти о деревенском детстве лежат истоки странного поведения Кузовникова Николая Григорьевича («Выбираю деревню на жительство»). Рассказ о Чудике («Чудик»), ставшем знаковой фигурой, заканчивается фразой «В детстве мечтал быть шпионом», неоднозначность которой подчеркивает неоднозначность личности героя.

Отношение взрослых к детям и детей к взрослым для Шукшина было важным способом выражения авторской позиции. Шукшин им пользовался очень экономно в том числе, надо полагать, и потому, что осознавал его выразительную силу. В рассказе «Страдания молодого Ваганова» главный герой, молодой работник прокуратуры, неожиданно для себя советчиком по важному для него вопросу выбирает обыкновенного деревенского мужика Попова, жена которого хочет его посадить. Свою симпатию к Попову автор выражает следующим образом: он отмечает его прямой честный взгляд, а о глазах замечает: «Как у ребенка ясные...» [Там же, с. 64]. Попов

согласен жить с неверной женой, чтобы только его не разлучали с детьми, которых он любит «до смерти» [Там же, с. 57]. Человечностью, мудростью, которую по житейской неопытности не может адекватно оценить молодой врач Солодовников («Шире шаг, маэстро!»), наполняется образ эпизодического персонажа директора совхоза Ненарокова, когда он упоминает о своем ребенке, о перспективах его образования.

Странный деревенский мужик Костя Валиков, получивший прозвище Алеши Бесконвойного («Алеша Бесконвойный»), писателем трактуется как философ-гуманист. Прошедший войну, этот человек определил для себя систему жизненных приоритетов и борется за их воплощение в реальности, пусть и не бесспорными методами. Войну он вспоминал «с омерзением», потому что любил жизнь, «серьезно вдумывался» в нее, был убежден в самодостаточности и неповторимости человеческой индивидуальности. Психологической кульминацией характеристики героя становится сообщение автора о том, что он любил детей: «Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал - что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?!» [Там же, с. 235]. Самые заветные его мечты были связаны с их благополучным будущим. Об отношении героя к детям автор рассказа упоминает в минуты нехитрого блаженства Алеши, связанного с его любимым занятием, когда душа его наслаждается жизнью.

Образ Тимофея Худякова («Билет на второй сеанс») являет иной тип отношения к жизни, потребительский, поэтому к старости он стал «тосковать и злиться». Иронически-снисходительное отношение автора выражено, в частности, тем, что и собственные дети Тимофея, и сын любовницы дают ему отпор, заступаясь за матерей.

В Шукшинской философии жизни, которая, как уже говорилось, была ориентирована на традиционный крестьянский уклад, взрослый человек мыслился прежде всего как родитель. В рассказе «Дядя Ермолай», вошедшем в сборник «Характеры», рассказчик, в котором угадывается автор, над могилой бывшего колхозного бригадира размышляет: «И дума моя о нем - простая: вечный труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка... **Работали да детей рожали**» (выделено мной - Л. Д.). В публицистике писателя эти идеи сформулированы еще более определенно: «Крестьянство должно быть потомственным. Некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне» [7, с. 12]. В связи с этим почти все герои Шукшина так или иначе проявляются через цепочку «родители - дети». Даже бригадир Николай Сергеевич Шурыгин («Крепкий мужик»), разрушивший церковь и заработавший этим общественное презрение, успокаивает себя надеждой на то, что дети запомнят его неординарный поступок, а следовательно, и его самого.

Жизненные законы носят, по Шукшину, надличностный характер, поэтому проявляются в жизни отдельного человека подчас в нетипичных формах. Именно такую ситуацию исследует писатель в рассказе «Случай в ресторане». Одинокий «старичок» ходит в ресторан слушать певицу: «Я люблю ее, как дочь. И ужасно боюсь за ее судьбу» [6, с. 49]. Он считает свою жизнь бездарно прожитой в том числе и потому, что не реализованы его отцовские чувства. Созданная героем иллюзия призвана компенсировать психологическую лауну.

Однако более всего писателя интересуют многообразные проявления типичных отношений. Это в полной мере выразилось в трактовке Шукшиным образа матери, о чем уже писалось. В сборнике «Беседы при ясной луне» женщина прежде всего мать («Письмо», «Материнское сердце», «Сельские жители», «На кладбище» и др.). Осознающая необратимость времени, скучающая без детей и внуков старуха Кандаурова («Письмо») гордится своим статусом матери. В житейской ссоре с одинокой Ильичихой она с достоинством заявляет: «Да у меня же смысл был, я их растила да учить старалась... А ты-то зачем жила?» [Там же, с. 25]. В данной ссоре как таковой нет правых и виноватых. Шукшин ее изображает для того, чтобы объяснить эмоциональную обусловленность безапелляционного тона старухиного письма. Он определен не самоуверенностью, а наивно понятой ответственностью за судьбу дочери.

И даже рассказы, в которых отсутствует мотив детства, концептуально вписываются в выявленную парадигму. Детей или как-то связанных с ними деталей и реалий нет в текстах, где речь идет о сложных житейских проблемах или взаимоотношениях людей, в которые детей вплоть до последнего времени не принято было посвящать: супружеская измена («Раскас»), позднее раскаяние («Осенью»), взаимоотношения мужчин и женщин («Хахаль», «Версия»).

Усиление роли мотива детства у позднего Шукшина можно проследить в построении последнего сборника рассказов «Беседы при ясной луне». Сборник открывается рассказом «Как зайка летал на воздушных шариках», в котором болезнь ребенка (воспаление легких, которое успешно лечит участковый врач) становится фоном и стимулом неразумных с точки зрения здравого смысла поступков двух солидных мужчин: один брат приглашает другого прилететь издалека, чтобы рассказать девочке придуманную им сказку. Автор не снижает ситуацию до комической, напротив, он подчеркивает ее романтический характер, который позволяет выстроить иерархию ценностей, где на первом плане ответственность за жизнь, несмотря на то, что это проявилось в трогательном, наивном поступке, несколько смущающем мужчин. Рассказ задает проблемную и интонационную тональность всему сборнику: сокровенная беседа о повседневном и вечном.

Заканчивается сборник рассказами «Горе», «Сельские жители», «На кладбище», каждый из которых завершает определенную проблемно-тематическую линию. В рассказе «Горе» автор демонстрирует, как у деревенского подростка формируются нравственные представления, как он знакомится с системой народной философии, которую писатель Белов обозначил емкой формулой «привычное дело». Ребенка никто ничему специально не учит, его формирует разумный уклад жизни, проводниками которого выступают старики. «Сельские жители» показывают милых писателю людей, которые при всем неблагополучии ситуации (внука

воспитывает бабушка, а не родители) сохранили самое главное - способность любить друг друга и понимать. Особенно важно это признание в отношении внука, мальчика, усвоившего от бабушки лучшие нравственные качества. Героиней рассказа «На кладбище» стала старушка, с которой рассказчик встречается на кладбище у могилы ее двадцатичетырехлетнего сына. Нарушенный естественный ход событий, когда в мирное время ребенок уходит из жизни прежде родителей, писатель объясняет тем, что «неладно» [Там же, с. 315] живет молодежь. «Неладно», то есть не в ладу с традицией, предписывавшей родителям заботиться о детях («Как зайка летал на воздушных шариках»), детям усваивать этические нормы («Горе»), продолжать их («Сельские жители»), пытаясь в повседневном воплотить вечное.

Таким образом, мотив детства, не претендуя на самодовлеющую роль, является органической частью Шукшинской модели мира, подчеркивающей ее цельность и гуманистический характер.

Список литературы

1. Горн В. Василий Шукшин: штрихи к портрету. М., 1993.
2. Коробов Вл. Василий Шукшин. М., 1984.
3. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
4. Творческие взгляды советских писателей. Л., 1981.
5. Чалмаев В. Обновление перспективы. М., 1978.
6. Шукшин В. Беседы при ясной луне. М., 1974.
7. Шукшин В. Вопросы самому себе. М., 1981.

УДК 681.5:620.165.29.008.6(075.8)

Технические науки

Разработан способ испытаний изделий на герметичность жидкостью с использованием горизонтальной трубки, который позволяет оценивать герметичность по суммарным утечкам жидкости из изделия. Установлено соотношение для выбора необходимого объема эталонной емкости при испытаниях изделия жидкостью с использованием горизонтальной трубки в зависимости от объема изделия и относительной погрешности испытаний.

Ключевые слова и фразы: герметичность; испытания жидкостью; горизонтальная трубка; жидкостный поршень; объем изделия; объем эталонной емкости; относительная погрешность.

Николай Илларионович Жежера, д.т.н., профессор
Кафедра систем автоматизации производства
Оренбургский государственный университет
nik-gegera@rambler.ru

СПОСОБ ИСПЫТАНИЙ ИЗДЕЛИЙ НА ГЕРМЕТИЧНОСТЬ ЖИДКОСТЬЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ТРУБКИ[©]

Испытания изделий на герметичность жидкостью во многих случаях проводятся манометрическим способом [1; 8] с оценкой герметичности изделий по снижению показаний манометра и по визуальному наблюдению появления капель жидкости из изделия. Оценка герметичности изделий по манометру является косвенной оценкой герметичности и не позволяет оценить непосредственно утечки жидкости из изделия.

В работах [2, с. 56; 9, с. 53; 12] представлены основные положения разработанного способа испытаний изделий на герметичность жидкостью с использованием пузырьковой камеры. Однако этот способ не позволяет измерять утечки жидкости из изделия по расходу воздуха, проходящего из эталонной емкости через горизонтальную трубку.

В статье рассматривается разработанный способ испытаний изделий на герметичность жидкостью с использованием горизонтальной трубки. Схема устройства, реализующего способ испытаний изделий на герметичность жидкостью с использованием горизонтальной трубки, приведена на Рисунке 1. Устройство содержит источник газа 1, эталонную емкость 3, источник пробной жидкости 5, изделие 6, испытываемое на герметичность, упругую емкость 7, расположенную в камере 8, горизонтальную трубку 12 с жидкостным поршнем 13, измерительный преобразователь 14 и вторичный показывающий прибор 16 перемещения жидкостного поршня в горизонтальной трубке, вентили 2, 4, 9, 10, 11 и дроссели 15 и 17.

Воздушная полость правой части горизонтальной трубки 12 соединена с камерой 8, а через дроссель 17 - с атмосферой. В камере 8 расположена упругая емкость 7 (например, сильфон). Внутренняя полость упругой емкости соединена с изделием 6. Воздушная полость левой части горизонтальной трубки 12 соединена с эталонной емкостью 3, а через дроссель 15 - с атмосферой. Внутренняя полость эталонной емкости 3 соединена через вентиль 2 с источником газа 1. Источник жидкости 5 соединен через вентиль 4 с полостью изделия 6 и упругой емкости 7.